
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ОРУДИЕ ЦАРСКО-ПОМЕЩИЧЬЕГО И БУРЖУАЗНОГО ГНЕТА»: ОСНОВЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В 1927–1929 ГГ.

С.П. Синельников

Волгоградский индустриальный техникум
ул. Арсеньева, 8, Волгоград, Россия, 400112

В статье рассматривается содержание антирелигиозного образования и воспитания в советских школах в 1927–1929 гг. Программы учебных дисциплин (обществоведение, литературы, географии, естествознания) пропитывались и наполнялись антирелигиозным содержанием. Антирелигиозные вставки и комментарии имели вполне очевидную цель – убить веру в Бога в сознании советских детей, воспитать поколение безбожников. В статье установлено, что новая коммунистическая мораль противопоставлялась православию, религиозным нормам и ценностям. Школьный учитель обязан был разоблачать церковные таинства, религиозные обряды и праздники, христианский образ жизни.

Ключевые слова: антирелигиозное содержание образования, школа 1-й ступени, школа 2-й ступени, безбожник, учитель-атеист, воинствующий безбожник, программы учебных дисциплин, программы преподавания, обществознание, литература, естествознание, коммунистическая мораль, религиозная нравственность.

Большое место в деле формирования нового человека, не связывающего свою жизнь и помыслы с религиозной совестью, отводилось антирелигиозной обработке детского и взрослого населения в 1920-е гг. Развернувшаяся беспрецедентная антирелигиозная кампания захватила и советскую школу.

Историки Е.М. Балашов и В.А. Шевченко обратили внимание на то, что антирелигиозному воспитанию в процессе преподавания в школе общественных и естественнонаучных дисциплин придавалось особое значение (1).

Программы преподавания должны были сыграть главную роль в переходе к антирелигиозному воспитанию. Важнейшей задачей Наркомпроса

РСФСР, названного М.Н. Покровским «особым аппаратом идейной диктатуры пролетариата», в 1920-е гг. стало составление новых программ преподавания и увязывание их с антирелигиозным воспитанием.

Государственный ученый совет (ГУС), образованный в Академическом центре Наркомпроса на правах секции, поначалу выполнял задачи по теоретическому и программному руководству высшей школой. В 1920-е гг. функции ГУСа по составлению программ обучения распространились и на школы I и II ступени. В структуре ГУСа действовали подсекции – научно-методическая, руководимая Н.К. Крупской, и научно-политическая во главе с М.Н. Покровским. Указанные организационные государственные органы были призваны осуществлять программно-методическое руководство всей системой начального, среднего и высшего образования (2).

В отличие от дореволюционного Закона Божия антирелигиозное воспитание и образование в 1920-е гг. не сосредоточивалось в отдельной учебной дисциплине, не имело четкой структуры и распределялось по отдельным направлениям – путем разнообразных воспитывающих и образовывающих форм и приемов педагогического воздействия в антирелигиозном ключе и, главное, через наполнение преподаваемых курсов (комплексов, учебных дисциплин) противоположным и отрицательным по отношению к религии содержанием. Кардинальный пересмотр содержания учебных дисциплин был по настоящему революционным в школьной политике 1920-х гг., в корне меняющим взгляд как на саму учебную дисциплину, так и на ее место и роль в системе школьного преподавания.

В большей степени изменения коснулись гуманитарных дисциплин, наиболее приближенных к религиозным интерпретациям явлений жизни – истории, обществоведения, литературы, русского языка. Из программ этих дисциплин вырезалась религиозная основа, профанировались аксиологические, смыслообразующие проблемы человеческого бытия.

История как школьная учебная дисциплина вообще попала в разряд нежелательных для изучения, и ее систематическое преподавание было упразднено. Заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский был инициатором изъятия из школы истории как отдельного предмета и введения в курс обучения обществоведения и политграмоты. Он считал, что религиозные верования в новом курсе должны объясняться как «невежественное истолкование материальных фактов» и как «орудие эксплуатации». «Марксизм должен явиться на смену старого религиозного мирозерцания» (3).

Другое объяснение негативного отношения к школьному преподаванию истории состояло в том, что руководители Наркомпроса опасались, что учительство будет использовать в обучении буржуазную историческую литературу.

Наркомпрос в лице М.Н. Покровского и А.В. Луначарского отрицал положительное значение систематического исторического обучения, поэтому вместо гражданской истории было предложено изучать историю

труда и социологию. В рамках обществоведения имелись лишь отдельные элементы истории с идеологическим отбором фактов и их марксистским освещением (4).

Таким образом, до 1933 г. включительно история Отечества в качестве отдельного курса не изучалась. Систематическое преподавание гражданской истории в советской общеобразовательной школе было восстановлено лишь в 1934 г. Программы и учебники были полны пропагандистскими интерпретациями и идеологическими комментариями.

В Нижне-Волжском крае вопрос о включении антирелигиозного материала в курсы практически всех преподаваемых в советской школе дисциплин разрабатывался основательно. Взяв за основу локализованные программы ГУСа для Саратовского округа Нижне-Волжского края, разработчики антирелигиозного содержания образования, представлявшие научно-методический совет крайоно, предложили учителям примерный план наполнения содержания образования в школах I ступени антирелигиозным материалом, правда, не по всем проходимым темам (5). Просвещенец призывался «при всяком удобном случае» вводить антирелигиозные моменты в свою работу.

Методическая разработка не носила директивно-непререкаемого характера, а была лишь рекомендательной установкой научно-методического совета крайоно. Каждому учителю предоставлялась определенная мера свободы самостоятельно решать вопрос о наполнении изучаемого курса антирелигиозным содержанием. Директивно-обязательный характер программы состоял в ее антирелигиозной направленности, что не подлежало сомнению и обсуждению.

В программных материалах по комплексным темам ГУСа для школ I ступени четко прослеживалась реализация идеи замещения и противопоставления старого религиозного содержания новому антирелигиозному («вместо», «в противовес»). Программу пронизывали многозначительные противопоставления новой деревни – старой, науки – религии, новой школы – старой школе и др. Примеры таких противопоставлений многочисленны:

– чудеса техники и науки (воздухоплавание, радио, подземные железные дороги) – «ложным чудесам» в религии. Разъяснение «ложности чудотворных икон и их обновления» и феномена «святой» воды. Опыты по физике якобы доказывают, как на самом деле «обновляются иконы и плачут богородицы». Пример: если «взять перекись водорода, помазать ей икону, то она «обновится, т.е. становится новой» (6);

– данные науки о климате, о научных мерах борьбы с засухой (отбор лучших семян, сортировка, сохранение влаги в земле) и о способах обработки земли (агрономии) противопоставлялись «молебнам в полях о дожде и крестным ходам с молебствиями об урожае и об избавлении от вредителей» (7);

– современная школа – старой школе;
– новая деревня и ее быт – старой деревне с ее «религиозными суевериями». «При изучении быта вскрывается неприглядная жизнь старой деревни – религиозные суеверия, предрассудки, иконопоклонение, «святая» вода, вера в чудеса, мощи, бесов, ведьм, домовых, леших, гадалок, колдовство, знахарство, заговоры, заклинания, погребальные обряды, свадьбы, крестины, поминание, панихиды и т.п.». Учитель должен ярко и красочно раскрыть перед детьми картину нового быта: «революционные праздники, общественная работа женщин, пионеров, комсомола, избы-читальни, подъем грамотности, неузнаваемость вчерашнего Ванюшки-допризывника и нынешнего красноармейца, не верующего ни в бога, ни в черта и строящего новую деревню» (8);

– революционные праздники противопоставлялись религиозным праздникам. Выяснение «нелепости говения, поста, исповеди, причастия, подготовки к праздничному обжорству» (9). Осенний праздник «урожая» устраивался в дни религиозного праздника «Покрова». «Организация праздника 1 мая в школе, как праздника труда в противовес религиозным праздникам. В связи с “великим постом” и пасхой выясняется вред для здоровья поста, легендарность праздника пасхи, которому противопоставляется праздник 1 мая – праздник труда и оживления природы» (10). Обосновывалась необходимость работы и учебы в дни религиозных праздников, которые государство и школа не признают, и отдыха в дни революционных советских праздничных дней;

– советская система социальной помощи и обеспечения вместо церковной благотворительности, «проповедуемой попами “душеспасительной” благотворительности в виде случайных подачек “ради Христа” нищим, беспризорным, калекам, старикам, противопоставить проводимую советской властью организацию охраны труда, помощь инвалидам, больным, беспризорным». Противопоставить отношение к голодающим со стороны советской власти и со стороны Церкви: указать на «помощь советской власти голодающему крестьянству в голодный год и противодействие духовенства изъятию церковных ценностей для голодающих» (11).

Нигде в новых программах, наполненных антирелигиозной смесью, не нашлось места воспитанию нравственного чувства. Пролетарская нравственность не нуждалась в санкции вечного и состояла в развитии социалистической (атеистической) культуры.

Обратимся к «антирелигиозной вставке» в подтеме «Просвещение деревни», проходимой в школе I ступени на 3-м году обучения, которая включала в себя освещение учителем следующих вопросов: «Картины прежнего обучения – закон божий, церковно-славянский язык, духовно-нравственные книжки; церковно-приходская школа, как орудие затемнения населения, как орудие классовой борьбы помещиков, попов, торгашей царизма. Современ-

ная школа противопоставляется старой: отсутствие икон, закона божия, отделение церкви от государства, падение религии» (12).

Во введении к программе ее авторы-составители обосновывали антирелигиозную разработку программ следующими соображениями.

Во-первых, задачи культурной революции и в целом строительства социализма при «обострении классовой борьбы» и «активизации церковников» требовали антирелигиозной работы в школе. Однако это не означало, что «учитель должен устраивать в школе специальные “уроки безбожия” или вводить в свой производственный план особые антирелигиозные темы».

Оптимальным и лучшим признавалось включение антирелигиозного материала в содержание программы для сельских и городских школ I ступени, с тщательной проработкой в течение всего учебного года в связи с общим содержанием комплексных тем, применительно к кампаниям и сезонным особенностям производственной жизни города и деревни. В процессе проработки этот материал проверялся и подкреплялся бы местными данными в результате исследовательской работы учащихся под руководством учителя.

Во-вторых, если главной задачей антирелигиозной работы в школе признавалась воспитательная, то в противовес «разлагающему влиянию религиозной семьи, попов и сектантов школа должна была выковывать сознательного коллективиста с твердым материалистическим мировоззрением, творца новой жизни, борца за новый быт и рациональную постановку сельского хозяйства». А поэтому «выяснение антикультурности религиозных суеверий и предрассудков» неизбежно должно было приводить к «научному объяснению явлений природы, к разоблачению классовой сущности религии как антиобщественного явления».

Во введении разработчики антирелигиозной программы с сожалением констатировали, что в большинстве своем дети приходили в школу «с некоторым запасом семейно-бытовых религиозных навыков, суеверий, предрассудков, с определенными представлениями и впечатлениями от сложившихся веками традиционных понятий о «боге, черте, церкви, молитве, постах» и т.п. Кое-кто из ребят носят еще на груди крест; почти каждый из них знает «день своего ангела», пасху, рождество, троицу; слышал о “нечистой силе”, рае и аде. Многим из ребят привиты в семье страхи перед покойниками, страшными местами, оборотнями...». Потому учителям указывалось на недопустимость проходить мимо этого в школе и не реагировать на проявления религиозной настроенности школьников, хотя родители нередко высказывали опасение в том, что «как бы их детей в школе не сделали безбожниками». Семья и традиции виделись составителям программы главными препятствиями в успешном проведении антирелигиозного воспитания (13).

В школах II ступени антирелигиозные вставки проектировались более насыщенными, соответствовавшими старшему школьному возрасту. Ведущая роль в антирелигиозном воспитании учащихся отводилась обществоведению.

Целью всей работы ставилась реализация триединой задачи: «разоблачение классовой сущности религии, пробуждение в учащих стремления к борьбе с религией и вооружение их для этой цели материалистическим мировоззрением» (14).

По замыслу составителей «примерной схемы увязки антирелигиозных моментов с программой ГУСа» естествознание, физика, химия и другие естественнонаучные дисциплины, опирающиеся на законы природы, также должны были использоваться в борьбе с религией. Авторам программной разработки представлялось, что обществоведение будет возмещать эту односторонность в критике религии показом другой стороны – социальной.

Связь антирелигиозной работы по обществоведению с литературой и географией была более естественной и явной. Разработчики ставили своей задачей дать учителю необходимый ориентировочный минимум, не перегружая программы дисциплины (15).

В каждую из изучаемых тем вставлялось антирелигиозное объяснение событий и явлений. В программе обществоведения в связи с отдельными главами истории России давалась однозначно негативная характеристика Русской Православной Церкви, подчеркивалась ее «преступная» роль и деятельность в истории.

Многочисленны примеры негативных упоминаний и характеристик Церкви (самодержавия, монастырей, священников): Церковь – гонитель раскольников и еретиков; оплот идеологии крепостничества; орудие запугивания и обмана трудящегося народа (через «открытие мощей, явленные иконы, отлучение от церкви, анафематствование»); орудие разжигания национальной розни («антисемитизм, шовинизм, еврейские погромы», черносотенное движение); орудие русского капитализма («обращение иноверцев в православие, великорусский шовинизм, борьба с освободительным движением»); орудие предательства и измены интересам народа в реформе 1861 г.; инструмент насаждения религиозного воспитания в старых школах. Особо подчеркивалась негативная роль Церкви в событиях последних двух десятилетий:

– ее агентурная роль в первой русской революции 1905–1907 гг. – в борьбе с рабочим движением («зубатовщина, гапоновщина») и в войне 1914–1918 гг. («молебствия в церквях по случаю войны, объяснение войны как наказания божьего, агитация синода и духовенства за подписку на военный заем, напутствие войск перед отправлением на фронт, воинственные молебны и окропление солдат святой водой перед сражением и т.д.»);

– участие Церкви в Государственной думе и «Союзе русского народа»;

– Церковь как союзница Временного правительства «в борьбе с рабочим движением» и «против трудящихся»;

– неприятие октябрьской революции;

– преступная роль в гражданской войне («наименование полков колчаковской армии именами святых, запугивание населения страшным судом и антихристом, связь церкви с заграничными капиталистами»);

– борьба патриарха Тихона с советской властью;
– Церковь и голод 1921–1922 гг. («изъятие церковных ценностей в помощь голодающим и сопротивление этому духовенства») (16).

Особое внимание в программе уделялось выяснению отношения к религии и Церкви декабристов, Н.Г. Чернышевского, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Рассматривались западные атеистические учения: французских просветителей-материалистов Д. Дидро, Гельвеция, представителей французского утопического социализма (Сен-Симона и др.), деятелей Парижской Коммуны, К. Маркса и его предтечи Л. Фейербаха (17).

Широкое поле для действия учителя-антирелигиозника представляла литература. Как отмечали составители методических материалов, «ни одна школьная дисциплина не оставляет для врага столько лазеек, как литература». «В то время, когда такие дисциплины, как обществоведение, физика, естествознание являются по существу антирелигиозными, в литературе мы имеем шедевры религиозно-реакционного творчества» (18). Поэтому предлагался критический подход к пропитанной насквозь религиозными идеями литературе, особенной русской.

Лишь в произведениях Н. Некрасова, М. Горького, Д. Бедного, В. Маяковского религия рассматривалась как «орудие царско-помещичьего и буржуазного гнета», «орудие борьбы с рабочим движением» и «помеха социалистическому строительству в деревне». И учителю не надо было ничего выдумывать, а прямо излагать точку зрения автора. «Крушение религиозного мировоззрения и формирование нового материалистического мировоззрения» прослеживалось также по произведениям А. Серафимовича, Ф. Гладкова. Отдельно предлагалось изучить атеистические взгляды Т. Шевченко, Н.Г. Чернышевского и Г.В. Плеханова.

Учитель призывался к выявлению «антирелигиозного элемента в народных сказках, пословицах и поговорках о боге, черте, полах и монахах». А по большой группе произведений русских писателей и поэтов учителю литературы рекомендовалось давать «антирелигиозный комментарий» (А.С. Пушкин, А. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, А.П. Чехов, А. Блок, С.А. Есенин и др.). В произведениях И.С. Тургенева необходимо было подчеркивать идеализм и мистицизм писателя, выражавшего реакционные настроения дворянства. Особенным неприятием отмечены произведения Ф.М. Достоевского. А о Н.В. Гоголе сказано в ругательном тоне как о «проповеднике крепостничества и православия» (19). Немалая группа зарубежных писателей попала в разряд антирелигиозного комментирования их произведений (Шекспир, Сервантес, Диккенс, Золя, Беранже, Гейне, Шиллер, Мольер, Бомарше, Гете, Гюго, Ибсен, Франс, Барбюс) (20).

Литература, всегда затрагивавшая метафизические глубины души и сознания человека, подверглась тщательной переработке в антирелигиозном духе. Ее философичность и религиозная напряженность если не отрицалась,

то грубо упрощалась и профанировалась. Задача учителя литературы сводилась к подчеркиванию атеистических начал в произведениях одних писателей и к озвучиванию антирелигиозных комментариев к произведениям других, близких к религиозному восприятию мира и человека писателей.

Если до 1917 г. всем преподавателям, ведущим свои учебные дисциплины, рекомендовалось быть союзниками законоучителей в деле религиозно-нравственного воспитания юношества и находить точки сближения с Законом Божиим, то антирелигиозные схемы, навязываемые в советской школе в 1920-е гг., обязывали учителей вставать в ряды обличителей такого писателя, как Ф.М. Достоевский. Учителю рекомендовалось давать учащимся «антирелигиозный комментарий к роману “Преступление и наказание”» (21).

Новое антирелигиозное слово предлагалось в курсах естествознания, физики, химии, астрономии, географии (22).

Если конечной целью всей работы по антирелигиозному воспитанию в школе было, по выражению составителей программы, «научными данными физики и астрономии вытеснить бога из природы», то обществознание и литература были призваны «вытеснить бога» из головы человека, из художественного творчества, из общества, то есть уничтожить саму идею высшего. Вставки антирелигиозного содержания в программы обучения сделались обязательными и традиционными и в последующий период (23).

Другими формами антирелигиозного воспитания были внеурочная кружковая работа в школах повышенного типа, которые посещали дети старшего возраста и взрослые, а также организация внешкольных мероприятий – антирождественских кампаний и др. для школ соцвоста при обязательном активном участии учащихся (24).

В числе антирелигиозных мероприятий в школах устраивались временные антирелигиозные уголки, в которых раскрывались несколько тем, группируемых в отделы («новый быт», «труд», «женщина и советская власть» и т.д.).

Сталинградский губернский отдел народного образования выдавал организаторам и оформителям уголков рекомендации по отделам. В частности, по 3-му отделу «преступности и хулиганства» предлагалось его «построить так, чтобы доказать, что преступность и хулиганство не зависят от распространения безверия, как это утверждают сектанты, а наоборот, в годы революции преступность уменьшается; цифры взять из журнала «Антирелигиозник», № 1 за февраль 1927 г.» (25). Лживому выводу пропаганды противоречили данные социологической науки, утверждавшей зависимость состояния и уровня нравственности от войн, революций, снимавших морально-правовые запреты (26).

Историк В.А. Шевченко, исследовавший антирелигиозное направление в деятельности советской школы в конце 1920-х гг., установил, что «во мно-

гих регионах СССР антирелигиозное воспитание в школе [было] введено фактически уже с начала 1928/29 учебного года» (27) и пришел к выводу о том, что «в СССР в 1927–1932 гг. [была] осуществлена беспрецедентная в отечественной истории антирелигиозная кампания...».

Несовместимость религиозного мировоззрения с государственной идеологией и масштабные преобразования в экономике подталкивали властные органы к усиленной идеологической обработке населения. А лучшим местом для формирования атеистических убеждений была школа как важнейший социальный институт, имевший в своем распоряжении все необходимые воспитательные и образовательные средства и инструменты. Поэтому посредством антирелигиозного воспитания школьников власть рассчитывала изменить мировоззрение не только детей, но и взрослого населения. А для этого безрелигиозное воспитание заменялось воспитанием антирелигиозным.

Программы провоцировали конфликт школы с религиозной семьей, негативную реакцию населения на школьное образование. Как справедливо отмечено, «решающее влияние на тип сознания учащегося оказывали не лозунги многочисленных кампаний, а естественнонаучные знания по биологии, физике, химии, астрономии, усваиваемые в ходе учебного процесса». А результатом антирелигиозного воспитания и антирелигиозных кампаний, сбора и сожжения икон и т.п. стали раздвоенность сознания у многих школьников, конфликт советской системы образования с религиозной семьей, что приводило к нравственной драме, которая иногда оканчивалась трагически или не находила своего разрешения на протяжении жизни взрослого человека, формировала склонность к неискренности, лицемерию, закрытости (28).

Отрицательный с точки зрения духовно-нравственного развития личности опыт – тоже опыт. Уроки его должны быть учтены в ходе «модернизации» системы образования. Независимо от того, вернется ли в школы отдельным предметом знание религиозной культуры и будет ли признано его законное воспитательное место в школе или нет, перед свободным выбором каждого учителя стоит вопрос о религиозном наполнении содержания преподаваемого им предмета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». – СПб., 2003. – С. 32–33; *Шевченко В.А.* Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927–1932 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 20–26.
- (2) Ленинские декреты и создание органов руководства высшей школой // <http://www.jourclub.ru/12/294/1.htm>; Советская школа и дошкольное воспитание в 1921–1930 гг. Развитие школьного образования // <http://www.gala-d.ru/parts/part22.html>
- (3) *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе... – С. 32–33.

- (4) См.: Шкарлупина Г.Д. Теория и методика преподавания истории и обществознания: Учебно-метод. пособие. – Армавир, 2003. – С. 36–37.
- (5) Девятков В.И. [и др.]. Антирелигиозная работа в школах I ступени применительно к программам ГУС'а // Нижне-Волжский просвещенец. – 1928. – № 3. – С. 59–71.
- (6) Там же. – С. 69.
- (7) Там же. – С. 64.
- (8) Там же. – С. 66.
- (9) Там же. – С. 68.
- (10) Там же. – С. 66
- (11) Там же. – С. 65.
- (12) Там же. – С. 68.
- (13) Там же. – С. 59–61.
- (14) Соколов В.П. [и др.]. Примерная схема увязки антирелигиозных моментов с программой ГУС'а // Нижне-Волжский просвещенец. – 1929. – № 1–2. – С. 67.
- (15) Там же. – С. 67–68.
- (16) Там же. – С. 68–73.
- (17) Там же. – С. 69–72.
- (18) Там же. – С. 76–77.
- (19) Там же. – С. 75–78.
- (20) Там же. – С. 77–78.
- (21) Там же. – С. 78.
- (22) Там же. – С. 73, 78–82.
- (23) Программа для школ малограмотных города и деревни // Сектор политпросветработы Наркомпроса РСФСР. – Сталинград, 1933. – С. 26–27.
- (24) Программа занятий антирелигиозного кружка в школе повышенного типа соцвоса // Нижне-Волжский просвещенец. – 1929. – № 1–2. – С. 86–90; Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-1652. – Оп. 1. – Д. 420. – Л. 140–141.
- (25) ГАВО. – Ф. Р-1652. – Оп. 1. – Д. 420. – Л. 264.
- (26) Сорокин П. Современное состояние России / Подготовка текста, примеч. и послесл. В.В. Сапова // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 168–178.
- (27) Шевченко В.А. Формирование антирелигиозных представлений... – С. 20.
- (28) Там же. – С. 24–26.

**«INSTRUMENT OF TSAR, LAND-LORD
AND BOURGEOISIE' OPPRESSION»:
ANTIRELIGIOUS BASES OF EDUCATION
IN THE SOVIET SCHOOL IN 1927–1929**

S.P. Sinelnikov

Volgograd industrial technical college
Arseniev Str., 8, Volgograd, Russia, 400112

The article discusses the content of antireligious education and upbringing in Soviet schools in 1927–1929. Curricula of disciplines (social sciences, literature, geography, natural

science) were saturated and filled with antireligious content. Antireligious insertion and comments were quite clear goal – to kill faith in God in the minds of Soviet children, raised generations of atheists. In this paper found that the new communist morality opposed to orthodoxy, religious norms and values. School teacher had to expose the church sacraments, religious ceremonies and festivals, the Christian way of life.

Key words: antireligious content of education, primary schools, middle school, an atheist, a teacher atheist, a militant atheist, the curricula of disciplines, teaching programs, social studies, literature, natural science, communist morality, religious morality.